Социальные переходы в процессе возрастной дифференциации молодежи: социологическое измерение

А.В. Шуляева

Шуляева Алефтина Владиславовна – помощник председателя Комитета по управлению Центральным округом г. Хабаровска, соискатель (г. Хабаровск)

В научной статье представлен теоретико-методологический и эмпирический анализ социальных переходов в процессе возрастной дифференциации молодежи. Обобщены научные подходы к социологической оценке социальных переходов. Выявлены современные противоречия возрастной дифференциации молодежи.

Особенности возрастной дифференциации молодежной когорты проявляются в том, что она постоянно находится в состоянии социального перехода, вектор которого направлен от преимущественного положения как объекта общественного воздействия к овладению преимуществом быть субъектом социально-преобразующей деятельности. В этом заключается социальный смысл «взросления» молодежи по освоению ценностей и норм конкретного общества, их последующего воспроизводства.

Динамика перехода молодежи от одного возрастного периода к другому может быть резкой и критической, медленной и постепенной, что актуализирует проблему ее парадоксальности. Серьезный методологический анализ этой проблемы показал, что «парадоксальность сознания стала неотъемлемой частью современной жизни» [1].

Понимание молодежи через призму парадоксальности позволяет иначе подходить к ее оценкам. По мнению ряда авторов, более парадоксальны те возрастные критерии, на основе которых эта общность выделяется и формируется как молодежная [2]. Наиболее долгосрочное воздействие этой парадоксальности на то, как сохраняется, развивается и используется человеческий потенциал общества, оказывают решения, принимаемые молодежью в процессе пяти социальных переходов: продолжение учебы, начало трудовой деятельности, усвоение навыков здорового образа жизни, создание семьи и осуществление гражданской позиции. Данный подход позволяет получить полный и глубокий «слепок» сознания трех динамичных возрастных когорт молодежи в изменяющихся условиях общества, выявить и проанализировать нормы и ценности, связанные с типичной жизнедеятельностью.

И хотя термин «переход» не совсем точен, поскольку некоторые из указанных аспектов – такие, как начало трудовой деятельности и создание семьи – в отличие от других объединяют в себе несколько переходов. Однако все переходы имеют решающее значение, так как связаны с накоплением, поддержкой, использованием и воспроизводством человеческого капитала. Успех при переходе к состоянию «взрослости» требует способностей делать компетентный выбор.

«Переходы» осуществляются в разные возрастные периоды, но можно определить несколько фаз, в течение которых они наиболее заметны. Во-первых, более ранними переходами является перевод учащихся из класса в класс.

На последующих фазах обучение продолжается, но работа занимает в жизни все большее место, связь с рынком труда с возрастом все более усиливается.

Акцент на изучение этих «переходов» обуславливает выбор возрастных когорт, характеризующих индивидов в социальной структуре общества. Учитывая, что возраст как переменная – это методологическая проблема, требующая особых методов проведения исследований, в науке используются следующие основные подходы к его исследованиям:

1. Межвозрастной (cross-sectional) – исследование групп определенных возрастов (например, 17, 24 и 29 лет) с целью выявления зависимостей переменных с изменением возраста.

2. Лонгитюдный – избранные группы исследуются на протяжении длительного времени (иногда с перерывами на несколько лет). В этом случае объектом выступает одно поколение. Однако неизвестно произошли ли наблюдаемые явления с изменением возраста или из-за изменений в окружающем мире.

3. Возрастной (time-1ag) – определение эффекта времени фиксирует постоянный возраст (например, 17-летние, 24-летние и 29-летние) в течение нескольких лет.

4. Возрастно-периодический (cross-sequential) – тестирование двух или более возрастных групп в течение двух или более периодов времени с целью определить эффекты смешения. [3, с. 178 – 179]

Определение возрастных границ молодежи возможно как разграничение этапов жизненного цикла, понимаемого как последовательность перехода индивида от одной социально конструируемой категории возраста к другой, и указывающего на различия в социальном опыте взросления. Глобальная тенденция состоит в том, что юность начинается раньше и раньше и продолжается все дольше и дольше.

Очевидно, что молодежные когорты имеют подвижные границы своего возраста, которые зависят от социально-экономического и политического развития общества, уровня культуры, условий жизни, а также от этнических особенностей, национальных традиций страны.

При анализе динамики ценностных ориентаций молодежи важно учитывать действие двух механизмов – преемственности и изменчивости. В современных условиях процесс формирования ценностей идет сверху, что приводит к несовпадению общественных и индивидуальных изменений. Например, общечеловеческие ценности для многих молодых людей являются лишь потенциальными ценностями, имеют характер довольно абстрактных идей.

В конечном счете, традиционные ценности – это ценности, усвоенные поколением родителей. Отказ детей от них вольно или невольно означает и критику, осуждение ими образа мыслей и жизни отцов. Это не может не восприниматься родителями болезненно, с чувством горечи и обиды.

Сегодняшняя ситуация необычна тем, что "подростковый период" переживают не одни подростки и юноши, а все российское общество.

Особенностью современного процесса взросления, по мнению ряда отечественных социологов, является ценностный конфликт молодого и взрослого поколений. Так, например, В.Т. Лисовский утверждает, что кризис в российском обществе породил особый, нетрадиционный конфликт поколений. Поколение "отцов" оказалось в положении, когда передача материального и духовного наследия преемникам практически отсутствует. В российском обществе налицо разрыв поколений, отражающий разрыв исторического развитии [4, с. 20].

Н.И. Лапиным предложена и использована в социологическом исследовании классификация, в которой выделены альтернативные пары ценностей, так называемые "социально ободряемые" и "социально отвергаемые". Выделенные в ней критерии позволяют дать полный анализ систем ценностей молодого и родительского поколений, а также выявить совпадения и расхождения в ценностном сознании этих двух поколений.

Указанная классификация адаптирована к сознанию и восприятию молодого поколения и включает: системы ценностей как интегрирующие – консолидирующие поведение субъектов, так и дифференцирующие – разъединяющие субъектов, выявляя их специфичность и особенность в поведении; смысло-жизненная система объединяет ценности человеческой жизни, предопределяющие цели бытия, человеческой сущности, ценности свободы, правды, красоты; витальная – ценностные суждения, необходимые для сохранения и поддержания повседневной жизни, здоровья, безопасности, комфорта; интеракционистская – включает ценностные суждения, важные в межличностном и групповом общении: хорошие отношения, спокойная совесть, власть, взаимопомощь; социализационная – включает те ценности, которые определяют процесс формирования личности [5].

Анализ данных результатов социологических исследований показывает, что состояние и тенденции развития молодежи как в России в целом, так и в ее регионах (в нашем исследовании – в Хабаровском крае) не имеют существенных различий. Общим является достаточно мозаичная, противоречивая картина, отражающая парадоксальность молодежного сознания и поведения.

С одной стороны (российская молодежь) в своем подавляющем большинстве, «плоть от плоти» своих родителей, что проявляется в жизненных планах, ценностных ориентациях, отношении к национальным проблемам и религии.

С другой, отличительные особенности молодежи касаются, в основном, ее качеств как работников и тесно связанного с этим ее материального положения, морального облика и особенностей поведения. Молодежь выгодно отличается от старшего поколения уровнем квалификации, наличием тех знаний и умений, которые высоко ценятся на современном рынке труда, уровнем мобильности, интеллектуальной активности.

В тоже время, остро стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь от неизбежных для взросления «социальных переходов», интеграции молодежи в единое социокультурное пространство российского общества.

Для выявления противоречий возрастной дифференциации молодежи с 1997 года осуществляется социологический мониторинг когорт, которые воплощают возраст надежд (17 лет), этап формирования собственного пути (24 года) и пору получения первых самостоятельных результатов (29 лет) [6].

Так, результаты исследования демонстрируют повышение потребности включенности разных возрастных групп молодежи в систему образования в процессе перехода к профессиональному обучению. Если для 17-летней молодежи этот показатель имеет традиционно устойчивую форму, то для 24-29-летней потребность в обучении за исследуемый период (1997 – 2007 гг.) возросла в 3 – 4 раза. Выявлен устойчивый и высокий интерес 17-летней молодежи на получение преимущественно высшего образования (85,9% городских и 69,1% сельских выпускников), чем начальной и средней профессиональной подготовки. Наряду с этим следует отметить, что особую ценность у молодежи приобретает диплом как таковой (30,4% опрошенных). Этот показатель выше у 24-29 летней молодежи, чем у 17-летней (35% против 20% соответственно).

Учитывая, что реформы больнее всего ударили по занятости молодежи, особенно в регионах Дальнего Востока, ее душевые доходы здесь вдвое ниже, а уровень безработицы вдвое выше, чем у взрослого населения. По данным опроса (2007 г.), среднемесячный доход на одного члена семьи у 40% респондентов составляет менее 5 тыс. руб., а у 30% респондентов – от 5 до 10 тыс. руб. В своих же материальных предпочтениях молодежь ориентируются на достаточно высокий уровень дохода. При этом, существенных различий в мотивах «большой зарплаты» среди возрастных когорт в исследовании не выявлено. Примерно половина опрошенных молодых людей хотели бы заниматься предпринимательской деятельностью. Однако это желание, в большей мере, присуще выпускникам школ, чем более взрослой молодежи. Как следствие, свой предпринимательский потенциал («открыли свое дело», «занялись коммерцией») реализовали только 5% респондентов.

Создание семьи стабильно занимает одно из ведущих мест в рейтинге ценностей молодежи, но реальный переход к ней носит отсроченный характер. Так, респонденты в двух возрастных группах (17 лет и 24 года) в 70% случаев видят себя в будущем «…человеком, у которого крепкая семья и хорошие дети», в то время как 29-летняя молодежь – только в 42,4% случаев эту ценность реализует. Добавим к этому, что каждый седьмой опрошенный из числа не состоящих в браке выразил намерение не оформлять его в будущем. Как следствие, у 40% молодых семей – незарегистрированный брак, имеющий, как известно, свои негативные последствия.

Таким образом, в процессе возрастной дифференциации у молодежи доминируют установки на получение профессии, но переходы к ней нередко носят стихийный характер, не совпадают с реальными потребностями личности и рынка труда; достижение высокого материального благополучия основано на мотиве больших денег, что криминализует способы их добычи; процесс создания семьи и рождения детей блокируется не только материальными факторами (работа, жилье, зарплата), но и эгоистическими ценностями (жизнь для себя);

усвоение навыков здорового образа жизни контрастирует с увеличением курения, потребления наркотиков и алкоголя молодежью.

Литература и источники:

1. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко. – М., – 2001.

2. Вишневский, Ю.Р. Парадоксальный молодой человек / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Социологические исследования, 2006. – №6. – С. 26 – 36.

3. Репеко, А.П. Возраст как переменная / А.П. Репеко // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Гришанов, В.Л. Абушенко и др. – Мн.: Книжный Дом, 2003.

4. Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России / В.Т. Лисовский. – СПб.: СПбГУП, 2000.

5. Лапин, Н.И. Ценности в кризисном социуме / Н.И. Лапин // Ценности социальных групп и кризис-общества / Отв. ред. Н.И. Лапин. – М.: ИФАН, 1991.

6. Доклад о положении молодежи Хабаровского края: социологическое измерение. – Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2006.